

Сергушева Светлана В.

аспирант

АНО ДПО «Санкт-Петербургская академия

последипломного образования»

г. Санкт-Петербург

К ОСМЫСЛЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ РУССКОГО РОМАНА

Аннотация: в статье рассматривается категория внутренней формы романа. Автор обосновывает духовную самобытность жанра русского романа и соотносит романский жанр с национальной топикой русской культуры.

Ключевые слова: герменевтический круг, внутренняя форма слова, опыт экзегетического чтения, читательские стратегии.

Понятие «внутренняя форма романа» в свое время было введено в научный оборот Д. Лукачем. Согласно автору, романский жанр является формой Нового времени, и особенностью этого жанра является субстанциональность его коллизии. Употребляемое нами понятие внутренней формы романа, скорее всего, ближе к категории внутренней формы слова, разрабатываемой в философии Г.Г. Шпета. Для философа, ученика Гуссерля, внутренняя форма, являясь синтетической по своей природе, связывает мир идей и сознание, субъективное и объективное. Впрочем, Г. Г. Шпет не останавливается на отвлеченном, или трансцендентальном, субъекте: «Сознание себя как культурно-социальной общности – не то же, что отвлеченная особь» [14, с. 501]. Внутренняя форма слова связывает мир культуры, истории и искусства с внутренним миром человека и является, по сути, «одним из вернейших способов проникновения в проблему духовности – как индивидуальной, так и коллективной» [15, с. 120].

О.Э. Мандельштам в своей небольшой статье «Конец романа» очень точно связывает расцвет романного жанра именно с эпохой Наполеона, «необычайно повысившей акции личности в истории и через Бальзака и Стендаля утучнившей почву для всего французского и европейского романа» [9, с. 205]. Однако идея «наполеонства», применимая к таким героям русских романов, как Германн

(«Пиковая дама»), Раскольников («Преступление и наказание»), Андрей Болконский («Война и мир») или идея «самозванства», общая и для «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, и для «Ревизора» Н.В. Гоголя (см. об этом интересную работу С. А. Фомичева «Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина»), трудно сопоставима с жанром исторического романа, и тем не менее именно эти ключевые темы, на наш взгляд, соотносятся с «сюжетным пространством русского романа XIX века» (статья Ю.М. Лотмана, близкая логике наших размышлений) и составляют внутреннюю форму романа.

В уже упомянутой нами работе «Сюжетное пространство русского романа XIX века», характеризуя идею «наполеонства» в русском романе, Ю. М. Лотман писал: «...Наполеон связывался с рационализмом и расчетом. <...> Расчет, упорство, воля и «одна ошибка в расчете» будут постоянными чертами «наполеоновских» героев русского романа: Германна, Чичикова, Раскольникова. Происхождение Чичикова от комического варианта образа разбойника – плута (со всеми наслоениями пиккаревской традиции), а Германна и Раскольникова – от трансформированного романтического героя-эгоиста не отменяет их функционального подобия и генетического родства» [8, с. 335].

Необходимо обратить внимание также на философский контекст, связанный со славянофильским течением, употребления слова *рационализм*. Так, И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, прекрасно владевшие категориальным аппаратом немецкой философии, первыми в русской философии развели категории русской духовной философии, связав их со святоотеческой традицией, и категории европейского рационализма. В работе «О верующем разуме» И.В. Киреевский писал: «Главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум, и воля, и чувства, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство...» [2, с. 3]. Идея духовной целостности была для И.В. Киреевского основой для построения разума, понимаемого в противовес западной рас-

судочности. В статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» И.В. Киреевский писал: «Раздробив цельность духа на части и отделенному логическому мышлению предоставив высшее сознание истины, человек в глубине своего самосознания оторвался от всякой связи с действительностью и сам явился на земле существом отвлеченным» [3, с. 228–265]. Не правда ли, размышления философа вполне приложимы к «наполеоновскому» герою? У И.В. Киреевского есть незаконченная повесть «Остров», похожая по жанру на литературную утопию. Здесь представлен литературный портрет «наполеоновского» героя, но перед его появлением философом описывается «кровавый пожар на Западе» в «просвещенной стране человечества», напоминающей сон Раскольникова на каторге о трихинах: «...все зыблется, все падает, все подымается и снова падает; топор работает день и ночь, кровь льется реками, народ пляшет, страсти не знают границ, клики восторга мешаются с криком отчаяния, с громом пушек и барабанов, с отзывом славы и побед, воплями кровожадного зверства, с глубокими вздыханиями глубокой любви к человечеству, с хохотом распутства и самозабвения» [4, с. 172–209]. И вот «пришел человек, задумчивый и упрямый; в глазах – презренье к людям, в сердце – болезнь и желчь; пришел один, без имени, без богатства, без покровительства, без друзей, без тайных заговоров, без всякой видимой опоры, без всякой силы, кроме собственной воли и холодного расчета, и – расчетом и волею – остановил колесо переворотов, и нагнул перед собою вольнолюбивые головы – и, кланяясь ему, народ утих». «Когда другие жили, он считал; когда другие развлекались в наслаждениях, он смотрел все на одну цель и считал; другие отдыхали после трудов, он складывал руки на груди своей и считал» [4, с. 172–209]. «Вся жизнь его была одна математическая выкладка, так что одна ошибка в расчете могла уничтожить все гигантское построение его жизни» [4, с. 172–209]. Созданный философом образ героя является по своей сути обобщающим и зримо воплощает черты героев наполеоновского типа.

И еще один, на наш взгляд, неслучайный штрих. В 1927 году выйдет в свет работа русского философа А.Ф. Лосева «Философия имени», в этом же году появится работа еще одного не менее знаменитого философа М. Хайдеггера «Бытие и время». Общий культурный фон, сопровождающий появление двух весьма знаменательных философских трудов – кризис формальной рациональности, описанный чутким философом Ф. Ницше как событие «Бог мертв» (а ведь еще в середине XIX века И.В. Киреевский в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» писал, что «то направление к рациональному самомышлению, которое началось на Западе около времен реформации, и которого первыми представителями в философии были Бакон и Декарт, (...) достигло, наконец, последнего всевещающего вывода, далее которого ум Европейского человека уже не может стремиться, не изменив совершенно своего основного направления» [3, с. 228–265]), но как по-разному будет осуществляться философами поиск оснований для философствования вне сферы классической европейской рациональности. «Философия имени так же, как и хайдеггеровская онтология, предполагает необходимость снятия противопоставления бытия и сознания (...); конструирование философии в обоих случаях осуществляется путем всматривания в структуры, лежащие по «ту сторону» явленного смысла, разница лишь в том, где находится «та сторона» [11, с. 321]. У Хайдеггера Desein как средоточие подлинной трагической онтологии, у Лосева имя как место соприкосновения познающего и познаваемого, Бога и твари, мост между объектом и субъектом. «В имени какое-то истинное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни и в одном цельном (...) сознании» [11, с. 62]. Несомненна ориентация русской духовной философии на поиск абсолютных ценностей, и это то, что роднит русскую литературу и философию в осмыслении кризиса западной формальной рациональности.

Тема «наполеонства» в русской литературе входит в более широкий круг проблемы «рациональности и жизни», важной для русской литературы как XIX, так и XX вв. Проблема «рациональности и жизни» присутствует уже в творчестве А.С. Пушкина. Например, М.Н. Виролайнен в работе о повести «Пиковая

дама» писала: «Германн инженер, человек, верующий в схемы и формулы. Он думает, что овладеть тайной чудесного выигрыша, тайной судьбы – значит знать три цифры, три карты. Загнать жизнь в точную и тесную схему – вот желания Германна. Но жизнь не ложится в схему, каждый раз она оказывается шире всякой формулы, всякого определения» [1, с. 172]. И еще: «У Германна – профиль Наполеона. Связь героя повести с великим героем истории несомненна. Наполеон, как и Герман, герой страсти и расчета, человек, не считающийся с живой жизнью и подчиняющий ее собственной воле» [1, с. 174]. В «Повестях Белкина» многим героям присущи узость кругозора, неполнота понимания происходящего, несмотря на присущую им человечность. С одной стороны, герои следуют литературным штампам, как, например, героиня «Метели». Под влиянием французских романов Марья Гавриловна в общении с Владимиром играет роль романтической героини: «...мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию...» [10, с. 70–89]. Между тем родители Марьи Гавриловны добродушны и трогательно заботливы. Согласно романтическому амплуа ведет себя и Владимир. Самовольное венчание задумано им как инсценировка популярного романтического сюжета. Однако «ни одной «романтической пьесе», задуманной и исполненной героями, не дано быть сыгранной до конца: живая жизнь с ее стихийностью врывается в «спектакль», обнаруживая несоответствие подлинного облика «актеров» и выбранных ими амплуа» [13, с. 12]. С другой стороны, полнота человеческих отношений ограничивается сознанием героев, детерминированным социальной иерархией. Так, Вырин («Станционный смотритель»), который, по словам Ахматовой, трогателен и величествен в своем горе, видит в Минском не человека, полюбившего его дочь, а «его высокоблагородие», в свою очередь, и Минскому, не лишенному честности и совестливости, не дано разглядеть в смотрителе отца любимой женщины, человека с оскорбленным достоинством; молодой офицер продолжает смотреть на мелкого чиновника сверху вниз. Глубина драматизма повести «Станционный смотритель» «не сводима к социально-сословным коллизиям, но коренится в узости духа, сознания персонажей в каждой из столкнувшихся сторон» [5, с. 163].

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» проблема «рациональности и жизни» фокусируется в странном, на первый взгляд, пожелании Свидригайлова и Порфирия Петровича Раскольникову: «...вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!». Здесь воздух как свобода от придуманных идей (а в литературе XX века – от идеологии как таковой), как эмблема жизни, не случайно Порфирий советует Раскольникову отдаться жизни прямо, *не рассуждая*. Пожелание воздуха в контексте романа как необходимость осознания Раскольниковым себя «не в маленьком квадратике эмпирической действительности, где все, как ему кажется, зависит от его воли и решений, а в объемном реальном мире, управляемом совсем другими силами» [12, с. 162]. Впоследствии, видоизменившись, тема воздуха, реализованная в романе Ф.М. Достоевского, продолжит свое существование в рассказе И. Бунина «Легкое дыхание».

Историософия в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» также основывается на противопоставлении разумной воли и живой жизни. «Толстой утверждает невозможность сознательного целенаправленного влияния личности на ход исторических событий, поскольку историческое событие есть стихийный и в то же время предвечно предопределенный результат независимой деятельности миллионов людей» [7, с. 462]. Все исторические лица, изображенные в романе Толстого, можно сказать, делятся на две противоположные группы. Багратион, Кутузов разделяют авторский фатализм; реформатор Сперанский, Бенигсен и, конечно, Наполеон исходят из принципа, что люди могут управлять ходом истории, путь князя Андрея и Пьера Безухова можно рассматривать также в контексте противопоставления рациональности сознания и иррациональности жизни. Обращение Толстого к Наполеону кажется естественным в романе о войне 1812 года, однако отправным пунктом в работе писателя над произведением было сопоставление декабристов и «нигилистов» шестидесятых годов Базарова («Отцы и дети», 1862 г.), Рахметова («Что делать», 1863 г.), Раскольникова («Преступление и наказание», 1866 г.). Наполеоновская тема в творчестве Толстого, как будто историческая, безусловно, становится и темой «особой лично-

сти», ее нравственного выбора. «Великая личность» в изображении писателя становится «персонажем комическим, исполняющим хотя и кровавую, но не страшную... роль исторического арлекина, трафаретную, инвариантную для всех завоевателей и преобразователей, благодетелей рода человеческого настоящих, прошедших и будущих времен» [7, с. 462].

В литературе XX века, по наблюдению Л.А. Колобовой, «совершается переход от романов идей к роману жизни, потока существования» [6, с. 199]. Одна из работ исследовательницы, посвященная роману Б. Пастернака, симптоматично называется «Живая жизнь» в образной структуре романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Автор пишет: «Живая жизнь» в ее «естестве», как показано в романе, не согласовывалась с историей и тем самым развенчивала избранный Россией в XX в. исторический путь, путь насильственной «переделки жизни». Развенчивала его как «бесчеловечное владычество выдумки», «книжных» представлений, губительная власть которых над человеком была угадана еще Достоевским. И таким образом пафос «живой жизни», возврата к ней в «Докторе Живаго» был направлен против русской утопии и делал роман Пастернака в большой мере антиутопическим» [6, с. 221].

Литературная эпоха XX в. ознаменована сменой культурной парадигмы. В частности, историки литературы говорят о посттрадиционалистской культуре, если проводить аналогию с философией, то – о неклассическом художественном сознании, утверждающем «априорную структуру сознания в его слитности с бытием» [6, с.198]. Поэтика «романа жизни» находит различные пути освобождения от узких идеологем, от насилия умозрительных идей, рационалистического подхода к пониманию природы человека, «губительности «равнения» личности догматикой идеологии и морали» [6, с. 171]; рамки романного бытия раздвигаются за счет сплетения разных слоев времени, обращения к памяти, постижения интуитивного, сверхчувственного и т. д. Все это в конечном счете нацелено на освоение художником *целостности* бытия, общего потока жизни. Кстати, вполне неслучайным является, например, отсутствие у Юрия Живаго сильной воли, что в изображении автора не выглядит недостатком; герой «двигаем чем-

то иным, скорее всего доверием к «самому главному, силе жизни, или красоте, или правде», как скажет о себе Лара» [6, с. 200]. В отличие от Живаго, Стрельникову как раз и не хватало «дара нечаянности», т.е. духа жизни. Несмотря на честность и бескорыстность Стрельникова, герою, лишенному «беспринципности сердца», остается недоступной сфера истины и добра.

Используемая нами категория внутренней формы романа позволяет зафиксировать культурную самобытность жанра русского романа и выявить связь романного жанра с сформированной в русской культуре оппозицией «рациональность – жизнь», являющейся, на наш взгляд, культурным топосом.

Список литературы

1. Виролайнен М.Н. Ирония в повести Пушкина «Пиковая дама» / М.Н. Виролайнен // Проблемы пушкиноведения: сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1975.

2. Киреевский И.В. О верующем разуме / И.В. Киреевский. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914.

3. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии / И.В. Киреевский // Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 1 / под ред. М. Гершензона. – Типография Императорского Московского университета, 1911.

4. Киреевский И.В. Остров / И.В. Киреевский // Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Гершензона. – Типография Императорского Московского университета, 1911.

5. Колобаева Л.А. От Блока до И. Бродского / Л.А. Колобаева. – М.: ООО «Русский импульс», 2015.

6. Колобаева Л.А. Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки (Русская литература XX века) / Л.А. Колобаева. – М.: ООО «Русский импульс», 2013.

7. Лесскис Г.А. Лев Толстой (1852–1869) / Г.А. Лесскис. – М.: ОГИ, 2000.

8. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX века / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова. – М.: Просвещение, 1988.

9. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2 / сост. и подг. текста С. Аверинцева и П. Нерлера. – М.: Художественная литература, 1990.
10. Пушкин А.С. Повести Белкина / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Т. 6 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – Л.: Наука, 1978.
11. Резниченко А.И. О смыслах имен. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк / А.И. Резниченко. – М.: Regnum, 2012.
12. Степанян К.А. Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / К.А. Степанян. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.
13. Хализев В.Е. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина» / В.Е. Хализев, С.В. Шешунова. – М.: Высшая школа, 1989.
14. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г.Г. Шпет. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
15. Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета / Т.Г. Щедрина. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.